



Научная статья
 УДК 930.1(470.6)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в. И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КАВКАЗСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ И ПЕРСИИ

Алина Юрьевна Моисеенко¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)
 Аспирант
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2974-4068> E-mail: alina.moiseenko97@gmail.com

Аннотация. Введение. Выгодное географическое расположение Кавказа, привлекало внимание Османской империи, Ирана, европейских стран и России. Каждое государство стремилось установить свой контроль и влияние на данный регион, в связи с чем, следует обратить особое внимание на дипломатические миссии в Персию людей, проводивших российские интересы, таких как А. П. Ермолов и А. С. Грибоедов.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе текстов работ А. П. Ермолова, Н. Н. Муравьева, А. С. Грибоедова. **Анализ.** Именно эти путешественники были участниками русских посольств в Иран первой трети XIX в., в ходе которых фиксировались важные сведения о природно-климатических условиях, о жителях Персии, об их обычаях и традициях, были получены данные о военном потенциале персиян, которые на тот момент получали помощь оружием и финансами от Англии и Франции. От России они переняли опыт боевого применения артиллерии. Материалы посольств являются основными источниками изучения путешествий в Персию и показывают итоги дипломатических поездок русских делегаций.

Research article

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что благодаря поездкам русской делегации в Персию А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова были учтены и защищены интересы России на Кавказе.

Ключевые слова: А. П. Ермолов, Н. Н. Муравьев, А. С. Грибоедов, персидское посольство, Кавказ, Персия, Гюлистанский мир, приграничье Кавказа

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Для цитирования: Моисеенко А. Ю. Дипломатические поездки первой трети XIX в. и их роль в формировании представлений о Кавказском приграничье и Персии // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (3). С. 417–424. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 20.06.2023.

Статья принята к публикации: 29.07.2023.

DIPLOMATIC TRIPS IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY AND THEIR ROLE IN SHAPING THE IDEA OF THE CAUCASIAN BORDERLAND AND PERSIA

Alina Y. Moiseenko¹

¹ North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., 355017 Stavropol, Russian Federation)
 Postgraduate student
 ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2974-4068> E-mail: alina.moiseenko97@gmail.com

Abstract. Introduction. The favorable geographical location of the Caucasus attracted the attention of the Ottoman Empire, Iran, the European countries and Russia. Each state sought to establish its control and influence over this region, and therefore, special attention should be paid to the diplomatic missions to Persia of people who pursued Russian interests, such as A. P. Ermolov and A. S. Griboyedov. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of the texts of the work of A. P. Ermolov, N. N. Muravyev, A. S. Griboyedov. **Analysis.** It was these travelers who participated in Russian embassies in Iran in the first third of the XIX century, during which important information was recorded about the natural and climatic conditions, about the inhabitants of Persia, about their customs and traditions, data were obtained on the military potential of the Persians, who at that time received help

with weapons and finances from England and France. From Russia, they adopted the experience of the combat use of artillery. The material embassy are the main sources for studying travel to Persia and show the results of diplomatic trips of Russian delegations. **Results.** According to the results of the study, it can be concluded that thanks to the trips of Russian delegation to Persia by A. P. Ermolov and A. S. Griboyedov, the interests of Russia in the Caucasus were taken into account and protected.

Keywords: A. P. Ermolov, N. N. Muravyev, A. S. Griboyedov, Persian Embassy, Caucasus, Persia, Gulistan world, Caucasus borderland

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

© Моисеенко А. Ю., 2023

For citation: Moiseenko A. Yu. Diplomatic trips in the first third of the XIX century and their role in shaping the idea of the Caucasian borderland and Persia. Humanities and law research. 2023;10(3):417–424. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.3.7>

Введение. Посольства А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Персию привлекали внимание многих исследователей, таких как С. В. Андрияйнен, А. Г. Бугаев, Н. Р. Гезало, Н. М. Алаев, А. М. Исмаилов. В работе С. В. Андрияйна «Генерал Ермолов на Кавказе: война ради мира» [2] рассматривается его военная и дипломатическая деятельность на Кавказе в 1816–1826 гг. Статья А. Г. Бугаева «Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX в.» [3] посвящена российско-иранским торговым и дипломатическим отношениям и носит общий характер.

В общем, тема посольств рассматривалась исключительно в контексте внешней политики России, а вопросы налаживания дружеских торговых и дипломатических отношений со странами Востока изучались отдельно от военно-политической истории Кавказа.

Материалы и методы. В своей работе нам хотелось бы уделить особое внимание посольствам А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Иран, раскрыть их взаимосвязь и вклад в не только в стабилизацию русско-иранских отношений, но и в укрепление российских позиций в Кавказском регионе. Для достижения цели следует: рассмотреть причины и итоги русско-иранских войн (1804–1813; 1826–1828 гг.), раскрыть влияние «третьей стороны» (Англия, Франция, Турция) [5, с.174] на русско-иранские отношения, изучить роль и итоги посольства А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова.

Используя путевые заметки российских путешественников, как исторический источник, необходимо учитывать, что содержащиеся в них сведения и описания всегда связаны с устоявшимся нарративом, а методология анализа текста выводит исследователя на границу истории и литературной критики, так как он имеет дело с ярко написанным текстом. При анализе текста необходимо также учитывать его должность, цель поездки, отношение к объекту изучения. Важны и политические мотивы, которыми руководствовался автор при составлении описания. Западные исследователи, использующие подход пост-колониальных критик к анализу источника, также отмечают, что существует тесная связь между колониализмом и составлением литературы о путешествиях европейцев в неевропейские части света [15, с. 107].

Применение данных подходов к материалам дипломатических миссий А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова в Иран в первой трети XIX в. и анализ путевых записок членов посольств позволяет говорить не только о роли дипломатических миссий

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 18.05.2023.

The article was approved after reviewing: 20.06.2023.

The article was accepted for publication: 29.07.2023.

в стабилизации русско-иранских отношений начала XIX в., но и рассматривать деятельность по сбору сведений как форму производства знаний о Востоке и о Кавказском макрорегионе.

Анализ. В первой трети XIX в. отношения между Россией и Персией были напряженными из-за территориальных споров на Кавказе. Россия успешно завершила русско-турецкие войны и присоединила Крым, перешла к завоеванию Кавказа и рассматривала эти территории не как вассальные, а как земли, которые войдут в состав Российской империи и станут ее частью. В 1801 г. был подписан манифест «к грузинскому народу» [4], который завершил процесс вхождения Картли-Кахетинского царства в состав России, что в последствии привело к войне между Россией и Персией (1804 – 1813 гг.) [1, с.17]. Война закончилась победой России и к осени 1813 г. [11, с.41] Иран был заинтересован в быстрейшем заключении мира. По условиям Гюлистанского мира, который был подписан в 1813 г. было закреплено включение в состав империи территорий Грузии Абхазии и Дагестана, а также часть земель, северного Азербайджана [8].

Персидское правительство не желало мириться с утратой территорий и заручившись поддержкой Англии, ссылаясь на нечеткость формулировок Гюлистанского договора и его затянувшуюся ратификацию (манифест Александра I о его ратификации был обнародован лишь в 1818 г.), стало требовать пересмотра статей договора [8]. В знак дружбы, которую Российское правительство предлагало установить, Персия требовала возврата ей части приграничных земель [13, с.45].

Пересмотреть ряд условий Гюлистанского договора должен был А. П. Ермолов, который в 1816 г. был назначен полномочным послом к правителю этой страны Фетх Али-Шаху [2, с.147; 3, с.32]. Современники отмечали, что он проявлял настойчивость и твердую волю в решении любых вопросов несмотря на то, что дипломатическая деятельность была А. П. Ермолову ранее незнакома, и он принял назначение послом с опасением. Сам он говорил, что «... наслышался о хитрости и коварных свойствах персиян, и отчаивался исполнить с успехом поручения государя» [14, с. 268 – 269].

Вместе с тем, как новый командующий Отдельным Кавказским корпусом и человек, отвечающий за состояние Кавказского края, А. П. Ермолов был лично заинтересован в том, чтобы получить максимально полное представление о Персии как потенциальном противнике.

Лучше всего это можно было сделать, посетив Персию лично для того, чтобы своими глазами посмотреть, как там обстоят дела. Поэтому Ермолов согласился возглавить посольство и принимал активное участие в сборе сведений о персидско-кавказском приграничье и самой Персии. То есть А. П. Ермолов в ходе своего посольства не только решал дипломатические задачи по отстаиванию Российских интересов, но и фактически совершал так называемое разведывательное «путешествие с имперской миссией» [15, с. 107].

Он подобрал себе наблюдательных помощников, таких, как Н. Н. Муравьев и М. А. Коцебу, которые тоже должны были собирать всевозможные сведения. Оба этих офицера официально должны были уточнять положение тех мест, через которые пролегал путь посольства, они прошли курсы астрономии, необходимой для точного измерения географических координат. Помимо них, в посольство были взяты и другие подготовленные офицеры.

До выезда в Персию А. П. Ермолов получал известия о том, что численность войск персов увеличивается, крепости восстанавливаются, такая подготовка точно не была связана с готовившейся войной с Турцией, потому что к этому времени между этими странами установились хорошие отношения, наоборот наблюдались поставки продовольствия и оружия со стороны Турции. К тому же турецкие войска были направлены на подавление восстания в Трапезундское княжество, желавшего выхода из состава Османской империи [14, с.291].

Для принятия решения о судьбе спорных приграничных земель, на которые российская власть распространилась лишь недавно, А. П. Ермолову необходимо было лично осмотреть часть границ, или получить сведения об их состоянии, собранные доверенными офицерами. С этой целью, зимой 1816 г. в Юго-Западную часть Грузии был отправлен Н. Н. Муравьев. Не ограничившись служебным заданием по осмотру персидской границы, он по собственной инициативе совершил поездку в принадлежавшую Персии Эриванскую область и посетил Эчмиадзин [10, с. 5]. Кроме него, информацию о приграничье собирали и другие офицеры, такие как М. А. Коцебу [12, с.143–144].

Особое внимание было обращено на Карабахское ханство, потому что эта территория вызывала у персов повышенный интерес. Они надеялись отдалить Российскую империю от территорий, на которые претендовали сами и ограничить возможности России установить влияние на земли кавказско-персидском приграничья, находившиеся под контролем персидской державы [14].

Перед поездкой в Персию А. П. Ермолову также было необходимо узнать текущую политическую обстановку в этой стране и отношение

к российскому посольству. Для этого в Персию был отправлен С. М. Мазарович – дипломат, который возглавлял русскую миссию в Тегеране (1818–1826 г.). Этот человек, обладавший дипломатическим опытом, был хорошо принят шахом, познакомился и встретился с важнейшими людьми двора, а также передал информацию о том, что российское правительство ждут для переговоров [14, с.291].

После сообщения о том, что шах готов встретить российское правительство, было принято решение отправиться в Персию. 17 апреля посольство выехало из Тифлиса. На время отсутствия А. П. Ермолова, командующим войсками в Грузии и руководителем на Кавказе был назначен генерал-майор А. П. Кутузов, который был участником наполеоновских войн.

Члены посольства тщательно фиксировали в своих записях все полезные сведения о Кавказе и прилегающих к нему персидских провинциях. Так Н. Н. Муравьев писал, что от Владикавказа начинаются горы, которые похожи на скалы, дорога узкая, пробита или прорвана порохом в полу-скалы, и идет под навесом [10, с.15]. Им так же описывалась территория Лори (город в Армении), где проживало около 30 татарских семей, переселенных сюда Ртищевым. Они жили очень бедно, а в самом городе никого кроме гарнизона не осталось. В Эриване русскую делегацию встретил сардар Гуссейн-Кулихан и регулярная пехота, которая, по оценке Муравьева также выглядела очень бедно. Несмотря на то, что у персов было английское оружие, они толком не знали как им пользоваться, и по словам Муравьева, потеряв азиатскую ловкость и проворство, персы так и не получили европейского устройства [10, с.38].

В течение всего времени нахождения в Персии члены российского посольства уделяли особое внимание наблюдениям за состоянием персидских вооруженных сил. Так, находясь в Тавризе у официального наследника персидского шаха – Аббаса Мирзы, последний, из уважения к русской делегации, предложил А. П. Ермолову выехать за город и посмотреть военные учения. Ермолов описывает персидскую и курдскую конницу, а также артиллерию, состоянию которой он, как кадровый военный и артиллерийский генерал, уделил особое внимание. Ермолов подчеркивал, что именно русские подтолкнули персиян и туркмен обзавестись артиллерией, показали важность этого рода войск [9, с.23]. По словам Ермолова, персы выбирали в нее лучших людей, и артиллерия продемонстрировала на практике хорошую работу [9, с.61].

Генерал так же отмечал, что по своему образу персидская артиллерия была похожа на английскую, первые орудия привозили из Индии, и только позже их стали отливать в Тавризе, обученные в Индии мастера.

Кроме артиллерии, в Персии имелись войска на регулярной основе. Несмотря на то, что их было не более 15 тыс. человек, набор рекрутов, по наблюдению членов посольства, продолжался. Набор в регулярную армию, по словам Ермолова, облегчался тем, что персы «с ребячества», много упражнялись в стрельбе и езде на лошади и поступали на службу готовыми стрелками и наездниками.

Во время нахождения в Тавризе, члены посольства наблюдали за учениями пехотного батальона. Ермолов отметил точность построения и заряжания оружия, и сделал вывод, что таких батальонов, «каких для России не может представить Грузинская милиция», в Персии можно создать довольно много, что представляет потенциальную опасность [10, с.61].

Другие члены посольства подтверждали опасения генерала. Так, Муравьев отмечал всеобщее вооружение персов: их в поездке сопровождала вооруженная курдская конница, в городах не оставалось человека, на котором не было бы оружия, что, по их мнению, показывало, что в случае войны Персия может располагать не только регулярной армией, но и сильным ополчением [10, с.11]. В мирное время задачей вооруженных отрядов являлась охрана своих домов и исполнение полицейских функций [10, с.11]. Данные сведения указывали на то, что жизнь персиян была беспокойной и небезопасной, персидское государство не гарантировало безопасность своих подданных и они были готовы защищать себя и свое имущество в любой момент [10, с. 11].

При этом члены посольства обратили внимание на низкую дисциплину – отсутствие «строгой военной службы персиян». Ермолов описывает то, как при въезде шаха, офицер сделал одному из солдат замечание по поводу стойки смиренно, на что солдат ответил: «прежде жалованье выдай мне, и я стану как должен» [10, с. 71]. Это по мнению Ермолова указывало не только на своевольный нрав персов, но и на неспособность их создать регулярную армию европейского типа.

Во время нахождения в Тавризе особое внимание А. П. Ермолов обратил на то, что персидские официальные круги старались держать членов посольства в изоляции. Почетный караул следил за тем, чтобы никто из местных жителей не проходил в дом, где остановился, А. П. Ермолов, якобы чтобы простые персы не беспокоили его своим любопытством. Он не пропускал даже служителей посольства, грузин и татар, у которых одежда была похожа на персидскую. Кроме того, прислужники знали русский язык, что указывало на их шпионские обязанности. Все это по мнению Ермолова подчеркивали присущее восточным народам недоверие и стремление скрыть слабость персидского правительства [10, с. 21].

Помимо сведений военного характера, в ходе посольства в Персии, были получены сведения о территориях и состоянии этой страны. А. П. Ермолов прежде всего подчеркивал упадок персидского государства: что многие селения были разорены, люди проживало бедно, а военные могли забрать имущество местных жителей и распоряжаться им как своим [9, с. 22].

Члены посольства в своих записках осуждали деспотизм, присущий персидской политической системе. Они писали, что вся власть принадлежит шаху, народ обременен налогами, а правительство его просто грабит, что является необходимостью для Персии. Без подарков и денег нельзя было получить милость и уважение от шаха и вельмож и продвинуться по карьерной лестнице [14, с. 296].

Участники посольства также отмечали, что Персия была страной не особо заселенной, лишь ее северные территории, граничащие с Россией и Каспийским морем имели некоторую плотность населения благодаря их природным богатствам. Они отмечали, что Азербайджанская территория, граничащая с российскими владениями на Кавказе, богата хлебом и скотом. Гилянская земля была знаменита обработкой шелка, производит хлопчатую бумагу, и сарацинское пшено (рис) [14, с. 294].

Вместе с тем, члены посольства заметили, что во всей стране было много не обработанной земли, испытывался недостаток воды для занятия земледелием, а для того, чтобы сделать почву плодородной, нужно было прилагать много усилий для ее обработки. Этим они объясняли сохранение кочевого образа жизни курдского населения, которое чувствовало себя достаточно независимым [14, с.296].

Слабая привязанность к земле накладывала отпечаток и на облик персидских городов. Так, по словам Ермолова Тавриз, был похож на обширную деревню, имел глиняные строения. Несмотря на то, что город имел выгодное расположение для торговли, полученные денежные средства не вкладывались в его развитие [9, с. 23].

По мнению членов посольства, бедственное положение внутри Персии диктовало ее внешнюю политику. Эта страна, была заинтересована в контроле над Кавказом и рассматривала его как важный источник сырья и продовольствия. Это обстоятельство могло быть использовано с пользой для России, однако, англичане, по словам Ермолова, использовали любые методы и средства, чтобы не допустить сближения Персии и России [14, с. 296].

Одной из сторон изучения Персии русской делегацией стали обычаи и традиции персов, которые существенно отличались от европейских. Они как правило, вызывали критику и осуждение со стороны членов посольства. Так, по приезду в Персию, русская делегация была приглашена

на обед к сардару Эривани – Гусейн-Кули хану, который А. П. Ермолов образно охарактеризовал «свинским». Он писал, что на обеде, никто не мог есть, из-за шумной обстановки: три молодых цыгана на протяжении всего обеда плясали и кувыркались, два старых певца «орали во всю глотку и строили ужасные рожи», которые вызывали смех [9, с.39]. Не желая вникать ни в особенности приема пищи на Востоке, ни в их музыкальные пристрастия, Ермолов объяснял, «необычное» с точки зрения европейцев поведение персов особой эмоциональностью этого народа, где сдержанность проявляют только люди, которые относятся к высшим кругам общества.

Ряд придворных обычаев шаха также вызвал осуждение Ермолова. На официальную аудиенцию в шахский дворец допускались только те послы, которые соглашались снять сапоги и обувь придворные красные чулки. Французы и англичане, поддерживали эти обычаи персов для того, чтобы угодить шаху и наследнику [9, с.13]. В свою очередь, А. П. Ермолов отказался поддерживать эти правила, но и Аббас-Мирза принимал делегацию из России не в комнате, а во внутреннем дворе дворца. Всем участникам делегации показалось это странным, но персияне заверяли, что это знак уважения со стороны наследника, который никогда и никого не принимал стоя [9, с.15] и просили расценивать поведение наследника как знак уважения и заинтересованности в развитии взаимовыгодных отношений между двумя странами.

На переговорах А. П. Ермолов вел себя вежливо, за что шах похвалил русского посла, но от вельмож никакой симпатии к посольству не проявлялось. Исключением стали взаимоотношения членов посольства с Аббас-Мирзой, хотя в процессе переговоров, Ермолов и не признавал его официальным наследником престола, потому что, особых официальных указаний по этому поводу А. П. Ермолов не получал и не желал быть вовлеченным в придворные интриги персидского двора, связанные с системой передачи власти в этой стране [14, с.293].

Члены посольства составили описание Аббаса-Мирзы, как наиболее компетентного персидского политического деятеля. Они отмечали, что это не только наиболее вероятный претендент на престол, но и любимый сын шаха, воспитанный в пышности и роскоши. В его характере присутствует необузданное властолюбие, но невзирая на это, он имеет простое и приятное обращение, вежлив, не любит пышности, как наследник имеет огромную власть, но не злоупотребляет ею [9, с.13-14]. Он так же обладал умом, хорошими манерами и привлекательной внешностью [10, с.48].

Итогом посольства А.П. Ермолова стало не только подтверждение условий Гюлистанского мира, но и знакомство с состоянием персидского государства. Наблюдения, сделанные лично,

убедили Ермолова в слабости персидской армии, плачевном состоянии экономики и отсталости его жителей. Вывод о нецелесообразности идти на какие-то уступки спорных территорий подтверждался наблюдениями, сделанными в российско-персидском приграничье, которое все сильнее втягивалось в сферу российских интересов. Персия в свою очередь не желала отказываться от территориальных претензий, что делало неизбежной очередную войну.

Помимо А. П. Ермолова, дипломатическую поездку в Персию совершил и А. С. Грибоедов. В поездке принимало участие около 600 человек: ружейные армяне, пушки, пехота и конные, которые использовались для рекогносцировки местности [7, с.12].

Грибоедов не собирал сведения о территориях целенаправленно, в связи с чем, заметки писателя о пути из Владикавказа до Тифлиса были краткими. Кроме того, как он сам упоминал, из-за плохих погодных условий, у писателя не было возможности фиксировать все увиденное им на Кавказе в форме связного повествования, и он ограничился отрывистыми записями.

В них А. С. Грибоедов, старался кратко изложить ценную для него информацию для ее последующей литературной обработки. При этом описания эмоций, для автора были не менее важны, чем фактические данные. Например, описывая поездку через Владикавказ Грибоедов пишет: «пасмурно, разные виды на горах, снег навешан в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Владикавказ на плоском месте, красота долин. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поестъ во Владикавказе» [7, с.13].

Что касается описания приграничных территорий, то А. С. Грибоедов отмечал прежде всего их труднодоступность и неустроенность. Как и многие путешественники по Кавказу, писатель отмечал поразивший его переход из одной климатической зоны в другую и сопутствующую смену видов [7, с.12].

Его прежде всего, поразило множество камней, некоторые из которых использовались местными жителями как ворота, а нависающие скалы служили местом временного пристанища, под которыми осетины как в пещере готовили пищу. Путешественник пишет о необъятности горного завала, через который Терек промыв себе проток, выглядящий искусственным. Ничтожность человека перед горной стихией подчеркивало описание проложенного через завал пути, заставляющего путешественника постоянно идти в обход препятствий. Но несмотря на «дикость края» по дороге встречалось множество людей, живших в селениях, через которые шел путь [7, с.13].

Грибоедов делает зарисовки наиболее живописных аулов. Например, селение Казбек, находившееся в 25-ти верстах от одноименной горы,

напоминало ему огромный замок, внутри которого находились тюрьма и церковь из гранита, покрытая каменной плитой [7, с.13-14].

Далее по пути следовал Сион (Атенский Сион) и другие аулы. Их вид напоминал гнезда, висящие на скалах, которые в целом несмотря на то, что селения состояли как из старых, так и из новых домов, производили на европейского путешественника общее впечатление руин.

По заметкам Грибоедова, грузинский Коби так же имел ужасное расположение и произвело на писателя впечатление селения, зажато «в дилом краю, подобном Дариелю (Дарьялу)» снеговыми горами, лежащими посреди снегов, холода и зимы. «Сильный ветер, снег и пропасть, переправлялись по узкой и скользкой дороге, сбоку Терек, удивительно, как не падали кибитки во время этого перехода. Дошли до Кашаура, взяли других лошадей и отправились дальше» [7, с.14], — описывал он свои впечатления.

Как и многие путешественники, Грибоедов описывал чувство восторга, которое охватывало путников при выходе с Военно-Грузинской дороги «Арагва внизу вся в кустарниках, — писал он, — тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням все ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных» [7, с.14]. Он подчеркивал контраст цветущего Южного склона Кавказских гор с каменистыми ущельями, которые путники покинули.

«Арагва течет быстро и шумно как Терек. Дорога как в саду — грушевые деревья, яблони. Часть Кашаура, по которой спустились была зеленая. Много ручьев и речек из гор стремятся в Арагву. В темноте чувствовали, что иногда по мостикам проезжаем» [7, с. 15], — писал он.

Отдельные зарисовки Грибоедов посвятил действиям Российских властей на Кавказе. Их он оценивает положительно, считая главным достижением — уничтожение рабства: «До установления власти на территории Кавказа, захваченных в плен людей продавали, после прихода русского правительства, а именно А. П. Ермолова, самих продавцов, которые пытались продавать людей вешали» [7, с.18].

Вместе с тем, Грибоедов подчеркивает неспокойную обстановку и военизированный уклад жителей региона. Так, в станицах на Тереке, через которые проходила русская делегация в Персию, проживали казаки-старообрядцы. Все они, по оценке Грибоедова вместе с женами, находились «на службе у гробенцов», а все взрослое население от 15-летних детей до 100-летних стариков было вооружено. Из 1600 человек, 1400 служат, — отмечал Грибоедов [7, с.15].

В целом, черновые наброски Грибоедова, несмотря на свою отрывочность, могут служить примером жанра так называемых «сентиментальных путешествий», в ходе которых автор стремится

передать читателю те чувства, которые его охватывали и на их фоне снабдить разнообразными полезными сведениями о странах и людях, с которыми он сталкивался. [16, р. 77]

Вторая часть путевых записок А. С. Грибоедова «от Тифлиса до Тегерана» выполнена в форме подборки писем. По форме она носит гораздо более связный характер, чем предыдущая часть, так как предназначалась для прочтения другом Грибоедова — полковником С. Н. Бегичевым.

Путешественник прежде всего отмечал слабую изученность — «непредсказуемость» и «неизведанность» территории Кавказа и его приграничья. Он жаловался на недостаток имеющихся сведений о регионе: «Скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу, но думал ли я что поеду на Восток? Никогда не обращал внимание», [6, с. 247].

Из Грузии посольство перешло на территорию Эриванской провинции, где земля была выше, а климат жарче чем в Грузии. Здесь, как отмечал писатель, равнины «скучнее» тех скатов и подъемов, которые мы проходили, и наблюдалось «пустынное однообразие». Огромное впечатление на путешественника произвела гора Арарат, которую зимой во время путешествия, видели всего 5 дней, а остальное время, она скрывалась за облаками.

Грибоедов описывает трудности и неурядицы пути, которые усиливались халатностью персидских должностных лиц: «После тяжелой дороги въехали в пригород, но не встретили ни души, не было надежды на какой-либо приют в гостинице, такие бездействия рассмотрели, как оскорбление и неуважение к русским чиновникам. Но через время увидели чиновника, который извинялся за адъютанта, который поехал не по той дороге. Что касается самой дороги, русская делегация выбрала кротчайший путь, но по нему мало кто ездит» [7 р.25].

Как и его предшественники, Грибоедов критиковал общее неустройство персидских городов. Так, по оценке путешественника, столица Персии — Тегеран, производила впечатление своими стенами с башнями, ее ворота были выложены изразцами, но город внутри имел «неуклюжие» — грязные и узкие улицы. На улицах города было много людей, так как во время приезда русской делегации был как раз праздник байрам. Шахский дворец Грибоедов сравнивал со «скотным двором», который стоял полуразрушенный, однако сам шах вел себя приветливо, говорил о маскарадах, театрах, а также упомянул, что дарит государство Аббас-Мирзе [7, с. 38].

Особое место в записках Грибоедова занимает описание деятельности российской дипломатической миссии и ее приема в шахском дворе. Грибоедов констатирует факт, что для русской делегации персы всегда приносили стулья в то вре-

мя, как англичане смиренно садились на ковры, разутые, в отличие от русских, «которые обутые садятся на возвышенность (стул) ставят обувь на дорогие персидские ковры. За такое принятие русских, нужно отдать должное Ермолову, после приезда которого, русских принимают не по традициям персиян» [7, с. 26], – вспоминал он о своем предшественнике.

В отличие от посольства А. П. Ермолова, русская делегация теперь не посещала военные учения, но в заметках Грибоедова было отмечено, что военные приготовления велись. Так, в присутствии русской делегации шах сделал замечание, Юсуф-хану Спадару за то, что тот без разрешения проводил обучение стрельбе, и узнав стоимость затрат (2000 р.) требовал компенсировать казне эту сумму. Также во время поездки русской делегации через Султанейскую долину, свистнула пуля, выпущенная по неосторожности персидским стрелком [7, с. 39].

Грибоедов также отмечал, что в отличие от посольства Ермолова, персы не пытались держать делегацию в изоляции. Его раздражало, что незнакомые лица наполняли комнаты, отведенные для русской делегации и даже важные государственные вопросы обсуждались при многочисленных слушателях. Он критиковал персов за неуместное любопытство и неотзывчивость по отношению к русским послам [7, с. 31].

Критичные замечания были распространены и на жизненный уклад персов. Грибоедов отмечал, что в их городах «нет ничего целого, наблюдалась кривизна поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов узких сумрачных и мрачных» [7, с. 30]. Писателю казалось стран-

ным, что персиян старались как можно меньше использовать письменную форму общения как в делопроизводстве, так и в быту: «В важнейших делах обращаются через фарашей, которые словесно их производят и это много способствует к усовершенствованию их природного витийства (красноречия)» [7 р. 47].

Результаты. В целом, благодаря дипломатическим поездкам А. П. Ермолова и А. С. Грибоедова, российские власти получили ценные сведения о Персии и приграничных территориях Кавказа: о природе, жителях, политическом и военном устройстве, традициях и обычаях. Эти данные способствовали не только улучшению отношений между Россией и Персией, но и пополнению знаний о Кавказском приграничье.

В последующих действиях были учтены были природно-климатические условия, которые влияли на экономическое развитие приграничья, а также понято стремление Персии использовать плодородные территории Кавказа, для решения своих внутренних экономических и финансовых проблем, решения проблемы с продовольствием.

Данные о военном потенциале персиян, которые получали помощь вооружением от европейских государств, обладали воинствующим характером и готовностью защищать интересы своего государства помогали империи решать свои внешнеполитические задачи.

Не до конца были поняты обычаи и традиции Персии, которые хоть и произвели впечатление на участников посольства, но трактовались ими с позиций ориентализма. При этом русская делегация с почтением относилась к культуре персиян и старалась соблюдать и проявлять уважение к их самобытности.

Литература

1. Аллаев Н. М. внешнеполитическая ориентация Дагестанских правителей на Россию в период русско-иранской (1804–1813 гг.) и русско-турецкой (1806–1812 гг.) войн // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 17–21.
2. Андрияйнен С. В. Генерал Ермолов на Кавказе: война ради мира. // Псковский военно-исторический вестник. 2016. Выпуск 2. С. 146–151.
3. Бугаева А. Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. (55). С. 30–36.
4. Высочайший манифест 12-го сентября 1801 года. Манифест «к грузинскому народу». Исторические источники. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18010912gruz.php> (Дата обращения: 21.09.2022).
5. Гезалова Н. Р. Британская политика в Каджарском государстве в ходе русско-иранских войн (1804–1813 и 1826–1828 гг.) // Вестник Дагестанского государственного университета. Вып. 4. 2014. С. 174–179.
6. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений в трех томах. Том второй. Письма. Документы. Служебные бумаги Санкт-Петербург, 2006. 368 с.
7. Грибоедов А. С. О Кавказе и Персии. Путевые заметки, письма. М.: Юрайт, 2023. 138 с.
8. Гюлистанский мирный договор. Мирный трактат, заключенный между Россией и Персией в 1813 г. // Исторические источники URL: http://hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_reg.php (Дата обращения: 21.09.2022).
9. Ермолов А. П. Записки. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1868. 75 с.
10. Муравьев-Карский Н. Н. Собственные записки: 1816–1820. М.: Кучково поле, 2016. 544 с.
11. Исмаилова Н. А. Иран в первой половине XIX века М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 265 с.
12. Колосовская Т. А., Ткаченко Д. С. Военные кавказоведы Российской империи: библиографический словарь. Ставрополь: Дизайн-студия «Б», 2021. 334 с.
13. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 265 с.
14. Федоров В. А. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 г. М.: Высш. шк., 1991. 484 с.
15. Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. - London-New York: Tauris Publ, 2016. 261 p.
16. Pratt M. L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992. 268 p.

References

1. Allaev N. M. The foreign policy orientation of the Dagestani governments towards Russia during Russian-Iranian (1804–1813) and Russian-Turkish (1806-1812) wars. *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'* = Historical and socio-educational thought. 2013;4 (20):17–21. (In Russ.).
2. Andriainen S. V. General Ermolov in the Caucasus: war for peace. *Pskov Pskovskij voenno-istoricheskij vestnik*. 2016;2:146–151. (In Russ.).
3. Bugaeva A. G. Russian-Iranian trade and diplomatic relations of the first half of the XIX century. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gercena* = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. Herzen. 2008;55:30–36. (In Russ.).
4. The Supreme Manifesto on September 12, 1801. Manifesto «To the Georgian people» in Historical sources. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1800dok/18010912gruz.php> (accessed: 21.09.2022). (In Russ.).
5. Gezalova N. R. British policy in the Qajar state during the Russian-Iranian wars (1804–1813 and 1826–1828). *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Dagestan State University. 2014;4:74-179. (In Russ.).
6. Griboyedov A. S. Complete works. In 3 volumes. Volume 2. Pishma. Documents. Official papers St. Petersburg, 2006. 368 p. (In Russ.).
7. Griboyedov A. S. On the Caucasus and Persia. Travel notes, letters. M.: Yurayt, 2023. 138 p. (In Russ.).
8. Gulistan Peace Treaty. The Peace Treaty concluded between Russia and Persia in 1813 Historical sources URL: http://hrono.ru/dokum/1800dok/18131012ru_per.php (accessed: 21.09.2022). (In Russ.).
9. Ermolov A. P. Notes. Part 2. Moscow: University Printing House, 1868. 75 p. (In Russ.).
10. Muravyov-Karsky N. N. Own notes: 1816-1820. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 544 p. (In Russ.).
11. Ismailova A. I. Gulistan Peace Treaty of 1813 and Russian policy in the South Caucasus in the XIX century. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*=Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013;36 (327):40-43. (In Russ.).
12. Kolosovskaya T. A., Tkachenko D. S. Military caucasologists of the Russian Empire: a biobibliographical dictionary. Stavropol: Dizajn-studija «B», 2021. 334 p. (In Russ.).
13. Kuznetsova N. A. Iran in the first half of the XIX century Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, 1983. 265 p. (In Russ.).
14. Fedorov V. A. Notes of A. P. Ermolov 1798 – 1826. Moscow: Higher School, 1991. 484 p. (In Russ.).
15. Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926. - London-New York: Tauris Publ, 2016. P. 107.
16. Pratt M. L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. London; New York: Routledge, 1992. 268 p.